

ЛИОН
ИЗМАЙЛОВ
Дорогие мои

ЖИЗНЬ ЗА КАДРОМ

Лион Измайлов

Дорогие мои

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/7624650>

Дорогие мои/ Лион Измайлов: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-094408-8

Аннотация

О чем эта книга? «Естественно, о себе. Честно и откровенно. Я высокий голубоглазый блондин, красивый. У меня первый разряд по боксу, второй по плаванию, третий – по лыжам. Меня очень любят женщины. У меня только один недостаток. Я очень люблю приврать», – отвечает нам сатирик Лион Измайлов.

Смешные и трогательные до слез рассказы о себе, своем детстве, своей юности, своих друзьях и знакомых – в этой книге собраны самые лучшие истории Лиона Измайлова, которые понравятся любому читателю.

Содержание

Автобиография	4
Отчим	10
Первая любовь	16
Майские жуки	23
Смерть Сталина	28
Витька Политов	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лион Измайлов

Дорогие мои

Автобиография

Естественно, о себе. Честно и откровенно. Я высокий голубоглазый блондин, красивый. У меня первый разряд по боксу, второй по плаванию, третий – по лыжам. Меня очень любят женщины. У меня только один недостаток. Я очень люблю приврать. А если серьезно, то я невысокий, не блондин, не очень красивый. Женщины меня любят, но только беременные. Кто-то им сказал, что в этот период им надо общаться с высокими, красивыми. Видите, меня опять заносит. Но если говорить серьезно, то я родился в простой крестьянской семье, мать – русская, отец – киргиз, сам я – еврей.

Не верите? А почему, когда Киркоров говорит, что он болгарин, вы верите?

У него отец – армянин, мать – еврейка, сам – болгарин.

Как говорит Винокур, когда армяне живут с еврейками, получаются такие болгары.

А на самом деле широкую общественность, должно быть, интересуется, откуда взялся у меня юмор.

От дедушки. По-моему, мой дедушка обладал хорошим, тонким юмором. Моя тетя мне рассказывала, что он каждый

вечер сидел за столом, пил чай и приговаривал:

– Какой вкусный и полезный чай, если этот чай пить сто двадцать лет подряд, можно долго прожить.

По-моему, хорошая шутка.

Когда дедушка заболел, пришел к нему врач, сел на постель и спросил:

– Ну, что у нас болит? Дедушка сказал:

– Не знаю, что у вас болит, а у меня нога, на которую вы сели.

Как и все дети, я учился в школе, причем был отличником. После седьмого класса поступил в авиамоторный техникум. Затем, поработав на заводе, поступил в Московский авиационный институт, который называли театрально-спортивный институт с легким авиационным уклоном.

Закончил МАИ, и как говорит Задорнов, закончивший тот же институт: «Измайлов – интересный человек. Шесть лет проучился в авиационном институте, а до сих пор не может понять, почему самолеты летают, а крыльями не машут».

После института я очень недолго работал в авиационной промышленности, и за одно это общество должно быть мне премного благодарно, сколько жизней я спас, не работая по созданию самолетов.

Я стал писать для эстрады... И мы с вами, дорогой читатель, знакомы не только потому, что вы меня видели на экране телевизора, но и по моим бессмертным произведениям, которые исполняли наши лучшие эстрадные артисты.

Слегка напомню. Наверное, кто-то из вас помнит монологи учащегося кулинарного техникума. Это в том числе и я. В смысле – автор. А помните монолог, с которого началась настоящая популярность ныне очень известной артистки Елены Степаненко «Письмо Биллу Клинтону»? Это тоже я.

А «Войну и мир» помните? Тоже хороший автор написал.

Кроме эстрады я также писал уроки «Радионяни», «Ералаши». Собственно, с рассказа «Ненужные словечки», написанного нами с Валерием Чудодеевым, и начался детский сатирический журнал «Ералаш».

Но самое главное – я регулярно печатался в «Клубе «12 стульев» «Литературной газеты». Тогда, в 70-е годы, она издавалась тиражом 5 миллионов экземпляров. А это значит, что 15–20 миллионов человек по средам начинали читать эту газету с шестнадцатой страницы, где был «Клуб».

Когда я получил первую свою премию, «Золотого тельца», Валентин Гафт написал на меня эпиграмму. Вы, конечно, знаете, что Гафт пишет обычно добрые, комплиментарные эпиграммы. Вот и про меня такую же сочинил:

*Повезло тебе, придурку,
Что попал в «Литературку».*

А когда я получил свою третью премию «Золотого тельца»... Кстати, я единственный автор трижды лауреат этой премии. Единственный. Все остальные – четырежды, пяти-

режды и шестирежды лауреаты.

Так вот, когда я получил третью премию, а время тогда было дефицитное, Гафт написал так:

*В стране с продуктами не в жилу,
За мясом полчища стоят.*

*А вот такой, как ты, чудила
Уже сожрал троих «телят».*

Тогда же, в 72-м году, я стал выступать с «Клубом». Это была лучшая в стране юмористическая команда. Арканов, Горин, Хаит, Бахнов. В качестве «самодеятельности» Хазанов и Фарада. Возглавлял эти выступления главный администратор «Клуба» Виктор Веселовский.

Нам хорошо платили, и улучшившееся материальное положение позволило мне жениться. Жена, Елена, мне досталась симпатичная во всех отношениях. Единственным её недостатком был её муж.

Не знаю, как у вас в семьях, а у нас так повелось: что бы ни произошло, во всем виноват только я.

У вас такого, конечно же, быть не может, это только в моей семье так.

Даже когда американцы вошли в Ирак, она сказала мне:
– Ну что, допрыгался?

А однажды сию за столом, никого не трогаю, пишу. Она входит в комнату с чашкой в руках. Чашка падает и разби-

вается. Она смотрит на меня зло.

– Что, – говорю, – ничего не придумала, сижу, молчу.

Она как закричит:

– Молчишь тут под руку! – Нашлась всё-таки.

В 1978 году начала по ТВ выходить передача «Вокруг сме-ха». В ней стали показывать писателей-сатириков. Нас стали узнавать в лицо.

Но узнаваемость у меня какая-то странная, причем до сих пор. Ко мне как-то подошла девушка, протянула книжку Коклюшкина и сказала:

– Распишитесь, пожалуйста, Аркадий Михайлович, – то есть спутала меня сразу и с Коклюшкиным, и с Аркановым.

Я решил быть на том же уровне, расписался – М. Задорнов.

Она покраснела и сказала:

– Спасибо вам, Михаил Задорнович.

Я понял, что для многих мы, юмористы, все на одно лицо, как китайцы для европейцев.

Что ещё рассказать?.. Выступал в разных странах, везде на языке, понятном их жителям. И в Азербайджане, и в Киргизии, и в Казахстане, в Германии, Швейцарии, Израиле, Турции. Всюду меня понимали. Кроме Англии. Они, англичане, по-моему, плохо знают даже свой собственный язык.

Посудите сами. Я там, в Англии, месяц жил. Месяц с ними разговаривал по-английски – хоть бы кто понял. Я написал около четырехсот рассказов и монологов, напечатал 15 книг,

написал 10 пьес, из которых две поставлены, по одному моему сценарию снят полнометражный фильм. Но самым своим популярным произведением считаю маленькую миниатюру. Она входит во многие сборники народного юмора.

Дело было в Ялте. Я вышел из гостиницы, у входа стояли мужчина и женщина. Видно, что они только что познакомились, и женщина кокетливо говорила:

– Сколько мне лет? Угадайте.

– Даже представить себе не могу.

– Ну, я вам подскажу, моя дочка ходит в детский садик.

– Она что, там заведующей работает?

И ещё один совет, который тоже напечатан в разных сборниках анекдотов «Совет женщинам: ели вы хотите, чтобы он обратил на вас внимание и все время думал о вас, займите у него побольше денег и подольше не отдавайте».

Отчим

Звали его Ефим Вениаминович Бабинский. Он появился у нас в семье в 47 году. Маленький, сухонький – старший лейтенант. Он только недавно демобилизовался из армии. В маленьком городке на Украине погибла вся его семья – жена и ребёнок. Он приехал в Москву к своей сестре. Сестра познакомила его с моей мамой. Он пришёл к нам в гости в нашу 12-метровую комнату. Мама выбрасывала из шкафа одну за другой шляпы и смеялась: «Вот моё приданое». За полгода до этого к нам забрались воры и обчистили нашу комнату как следует. Так что приданое на шляпах и заканчивалось.

Дня через три он привёз мне детский велосипед. Стало ясно, что это мой будущий отчим. Мама была знакома с ним с детства. Давным-давно они жили в одном маленьком городке на Украине. Это ускорило события.

Через день после свадьбы он уже пришёл за мной в детский сад. Дядя Ефим, так я его называл, подошёл ко мне и сказал: «Ленька, пошли».

Потом всю дорогу он мучительно думал, что бы мне сказать, но так придумать и не смог. А может, и не собирался. Он был довольно молчаливым человеком. Он никуда не мог устроиться на работу. В то время уже всюю боролись с космополитами. Он был бухгалтером. Сначала его брали куда-то, но потом, посмотрев национальность, отказывали. На-

конец мама устроила его к нашему родственнику в артель. В народе эти артели называли «золотое дно». В артелях делали ширпотреб и, естественно, часть его сплавляли налево. Время от времени артельщиков сажали, но моему отчиму удалось избежать этой печальной участи. У него были уникальные математические способности. Он быстро решал любые мои школьные задачи. И, наверное, он бы хорошо работал бухгалтером, но пришлось идти работать в артель, где он лет десять и проработал.

Тогда, в 47 году, отчим весил всего 48 кг, а мама весила 75. Сейчас, когда я пишу о них, то есть через 20 лет, отчим весит столько же, а мама слегка пополнила. Я люблю смотреть, как они вдвоём сидят у телевизора. Рядышком – на стульях. Если нарисовать вид сзади, то из-за спинки одного стула видны бока моей мамы. А над вторым стулом видно только голову моего отчима. Такой он худой. Они уже старенькие. Они смотрят телевизор каждый вечер. До тех пор, пока оба не заснут. Потом мама падает со стула и кричит с пола: «Ефим! Ефим! Подними же меня!»

Отчим просыпается, помогает ей подняться, а потом долго ворчит, что ему не дают спокойно посмотреть телевизор.

Мама моя любит посмеяться. Причём смеётся так, что слышно на соседних этажах. Отчим смеётся редко, скорее усмехается, когда мама ругает его или если я попытаюсь его пощекотать.

Нам с ним очень трудно было найти общий язык. Играть

со мной он не умел. Разве что в шашки. Шашки в то время были дефицитом, и мы с ним начертили доску на бумаге. Вместо белых шашек брали металлические военные пуговицы, а вместо чёрных – обычные пластмассовые. Вот в шашки мы и играли.

Когда во дворе ребята хвалились своими отцами, мне сказать было нечего. У Витьки Политова отец был моряком, можно было рассказывать о кораблях и морских сражениях. Виталька говорил, что его отец может что угодно стащить. А что было мне рассказать про отчима?

Когда у нас собирались гости, он, выпив, начинал рассказывать про войну, но это были очень странные истории. У него была феноменальная память. Он помнил каждый день войны. Можно было спросить: «А что было 2 января 1942 года?» – и отчим тут же рассказывал, как они в этот день переезжали из одного города в другой. Все его рассказы были о переездах. Он и на войне был бухгалтером. И ни о чём, кроме как о переездах, рассказать не мог.

Когда я во дворе попытался рассказать о его перемещениях, меня просто подняли на смех. «Твой дядя Ефим, видно, стрелял из-за угла из кривого ружья!» – сказал толстый дядька Василёк, который всю войну проработал на овощной базе. Тогда я стал рассказывать о том, что до войны отчим работал джигитом в цирке, и даже довольно складно пересказал его номер. Как они целым коллективом джигитов носились по арене цирка и саблями на лету рассекали всякие

штучки.

От того давнего периода у отчима осталась трогательная любовь к животным. Однажды он принёс домой маленького замурзанного котёнка. Котёнка помыли, высушили и начали кормить. Дня три всё было хорошо. Но на четвертый день мама дала ему сырого мяса. Котёнку мясо понравилось. Он стал жалобно мяукать, выпрашивая ещё. Мама швырнула ему второй кусок. Котёнок быстро его съел и замыкал снова. Мама не могла ему отказать и давала снова кусок за куском. Он мяукал до тех пор, пока не съел всё мясо. После этого он начал бегать по комнате и гадить. Гадил и мяукал. Мы остались без обеда. И когда вечером пришёл отчим, мама подняла крик и заявила, что котёнок останется у нас только через её труп.

– Чтобы духу его не было! – кричала она.

Утром отчим положил котёнка в портфель и, ужасно переживая, куда-то унёс его. Вечером он вернулся без портфеля. Мама устроила ему разнос, но он твёрдо стоял на своём: «Портфель потерял», – и всё. Мы с ним вышли во двор. Портфель лежал в кустах. Из портфеля на нас жалобно смотрел котёнок. Целую неделю отчим носил котёнка в портфеле на работу, а возвращаясь с работы, прятал его в кустах. По очереди мы подкармливали несчастного котёнка. Через неделю портфель стащили вместе с котёнком. О новом котёнке, конечно, не могло быть и речи.

У отчима была удивительная нежность ко всему живому.

Он не мог убить даже простой мошки. Когда мы все вместе начинали ловить моль и мама кричала: «Ефим, вот же она, прихлопни её!» – он специально мазал, хлопал по шкафу рядом и радостно говорил: «Улетела!»

Вот такие истории я выдумывал про своего отчима. Про то, как однажды он привёз из цирка пони, и этот пони жил у нас, и мы ходили с ведром за ним, чтобы пони не наделал на пол, иначе мама выгнала бы нас вместе с пони.

На самом деле мы с ним не разговаривали годами. Однако он содержал и меня, и маму, и по сравнению с другими нашими соседями мы жили, можно сказать, обеспеченно.

Однажды, году в 58-м, все эти артели прикрыли, и отчиму пришлось искать новую работу. Это было сложно. Его взял к себе его дальний родственник Вайнштейн. Взял на очень маленькую зарплату – 80 рублей. И мама пошла работать в гостиницу. Короче, вместе они получали 132 рубля. То есть доход у нас на одного человека был немногим больше сорока рублей. И когда я начал учиться в МАИ, мне давали стипендию даже с тройками. Но благодаря тому, что отчим работал в тресте Мосводоканал, мы в 67 году получили квартиру в новом доме. Аж целых 22 квадратных метра. И впервые за всю жизнь, в 27 лет, у меня появилась своя комната в целых восемь метров. Первое, что я сделал, – это поставил защёлку на свою дверь. Теперь я мог закрыться в своей комнате. И даже привести туда девушку.

Году в 73-м, когда мой отчим получал уже 180 рублей и

мы снова стали жить прилично, поскольку я уже что-то зарабатывал, вдруг всё тот же Вайнштейн сказал отчиму, что ему пора уходить на пенсию. И тут я впервые увидел, как мой отчим плачет.

Он пришёл домой, сел за стол, опустил голову на руки и беззвучно рыдал. Мне было его ужасно жалко. Он был человеком незлым, довольно замкнутым, неразговорчивым, но не злым и не вредным. Он был странный. Маленький, очень быстро ходил, очень мало разговаривал, но ничего плохого никому не делал. Они прожили с мамой с 47-й по 74-й год. То есть – 27 лет... Я вспоминаю его, как родного, и поминаю его ежедневно в своих молитвах. После этой нанесённой ему обиды он очень скоро умер. Мама очень долго и тяжело переживала.

Первая любовь

Я учился в третьем классе. Наши дворовые ребята уже основательно интересовались женским вопросом, а я был как будто ни при чём. Они были старше и встречались с девочками. У них это называлось «ходить с шалавой».

Однажды кто-то рассказал при мне: «Идёт один пацан на демонстрации с шалавой...» Я переспросил: «С флажком?» Все расхохотались. С тех пор у нас во дворе слово «шалава» заменили на слово «флажок».

И вот однажды наши ребята собрались идти к «флажкам». Самым главным в нашей компании был Вовка Моисеев – любимец всех учительниц в школе, красивый, курносый мальчишка, первый футболист в нашем дворе. Он играл на «Искре» за команду мальчиков. Он был и самым сильным в нашем дворе среди младших. Мало того, что он сам мог побить кого угодно, но ещё у него был старший брат – тот уж точно был грозой всего Ростокино.

Вместе с Моисеевым на дело шли Витька Андреев по прозвищу «Жирик», Валька Таборов – кличка «Килька». Киля жевал таблетки «сен-сен», явно рассчитывая сегодня целоваться. Кроме того, был ещё Юрка Лукьянов, одноногий парнишка с большим носом и полным карманом мелочи, выигранной в чёт-нечёт.

Меня взяли для выучки. Я в то время был полностью

неосведомлён по всем женским вопросам. Например, я никак не мог поверить в Вовкину интерпретацию появления детей. А все остальные её отлично поняли и приняли. У всех у них были братья и сестры, а у меня их не было. И все жили в маленьких комнатухах. И вот мы идём на первое в моей жизни свидание, и пусть это свидание не моё, но всё равно я возбуждён и оживлён, болтаю непрерывно и громко смеюсь.

Встречаться мы должны на Яузе, как раз в низине под нашим бугром.

«Флажки» должны прийти с другого берега Яузы через мостик. Мы спускаемся с бугра.

«Жирик» говорит:

– Сейчас встретимся и сразу, безо всяких там...

– Нет, – говорит Моисеев, – «Ля-ля» у нас свободный, пусть сигнал подаст – свистнет или платком махнёт, и тогда начнём.

«Ля-ля» – это я. Это моя кличка. Я всё время напеваю какие-то мелодии. Вот меня и зовут «Ля-ля».

Я радостно соглашаюсь подавать сигнал, хотя понятия не имею, что после этого будет.

Мы приходим на место встречи. Никого ещё нет.

– Так, – говорит Вовка, – моя «колдунья». «Жирик» чуть не дерётся с Килей из-за какой-то Нинки. Наконец всех распределяют, а мне говорят:

– Какая останется – твоя.

Наконец появляются «флажки». Их четверо. Становится

ясно, что мне никого не достанется. Они приближаются и робко останавливаются шагах в десяти от нас.

Мы подходим. Вовка за всех здороваётся. Я рассматриваю девочек. Две мне сразу не понравились. Нинка, в общем, довольно симпатичная, но больше всех мне нравится «колдунья».

Она – в коротеньком платьице. У неё вздёрнутый носик, быстрые глазки, и вся она такая весёлая и заводная. Ребята тихо подходят каждый к своей девочке. Вовка сразу удаляется с «колдуньей» в сторону. Она стоит на возвышении, и её фигурка видна мне на фоне неба, а вокруг её головы – луна. Вовка что-то рассказывает ей, а она заливается смехом.

Ребята тоже парами расходятся, а я остаюсь один. Тут я вспоминаю, что надо подавать сигнал. Я что есть мочи свищу, но они как будто не слышат. Тогда я вынимаю платок и машу им, но никто не обращает на меня внимания. Они все очень тихо и скромно стоят со своими «флажками», а я здесь просто лишний.

Я взбираюсь на наш бугор, оборачиваюсь, они по-прежнему мирно беседуют, и никто ничего не начинает.

Я иду во двор. Здесь мои ровесники играют в прятки. Я присоединяюсь к ним и забываю о своей неудаче. Водит Витька Политов. Все бегут прятаться.

Я перебегаю из одного места в другое и наконец забираюсь в курятник. Там сидит Валя Кузнецова. Она мне шепчет: «Тихо!» Я сажусь около неё. Кто-то заглядывает в курятник.

Я загораживаю собой Валю. Она дышит мне прямо в лицо, и я вдруг замечаю, что она очень красивая, даже красивее «колдуньи». Мы держимся с Валею за руки, она дышит мне в лицо и вдруг говорит мне: «Пусти».

Я отпускаю её руку, но она остаётся сидеть рядом. Витька Политов что-то там снаружи кричит. Наверное, он всех нашёл, кроме нас. Мы сидим и не говорим друг другу ни слова. Уже все разошлись по домам, и где-то раздаётся крик: «Валя! Домой!» Валя забирает свою руку и выбирается из курятника.

Я выжидаю некоторое время, чтобы нас никто не заметил вместе, и тоже иду домой. Я ложусь спать. Теперь я влюблён. Я точно это знаю, потому что непрерывно думаю о Вале. Я представляю себе разные места, где бы мы снова могли вместе с ней прятаться.

Так началась моя первая влюблённость. Я был в третьем классе, а Валя училась в пятом. Почти каждый вечер мы играли в прятки, но она почему-то больше не пряталась со мной.

Я делал всё что мог. Я отвлекал от неё внимание водящего. Я подсказывал ей, когда можно было бежать выручаться. Я с нетерпением ждал, когда мы будем играть в ручеёк, чтобы выбирать только её. Каждый вечер, придя домой, я вспоминал, как она на меня посмотрела, что сказала. Я вспоминал её слова и в них искал какой-то скрытый смысл, обращенный лишь ко мне. Я стал ходить с девчонками на болото.

Я совсем забросил всех ребят и играл только с девчонками. Я даже заигрывал с Ниночкой – младшей Валиной сестрёнкой. Потом я начал носить Вале разные подарки. Была просто непреодолимая потребность что-то ей дарить. Сначала я принёс ей нитки «мулине». Все тогда вышивали, и такие нитки были дефицитом. Естественно, я стащил их у мамы.

Валя нитки с удовольствием приняла, и за этот подарок я был награждён – мне было позволено на болоте пощекотать травинкой Валину шею. Потом я принёс ей из дома фарфоровую коробочку, и вечером мы опять сидели с Валею в курятнике, и я снова держал её руку. Последнее, на чём меня поймали, была половинка золотого браслета от часов. Я оторвал несколько звеньев и принёс их Вале. Весь браслет я стащить боялся, мне казалось, что это будет заметней. Однако и половины браслета было достаточно. За браслет мне сильно влетело, но я твёрдо стоял на своём – потерял, и всё.

В школе мне ребята сказали, что мной интересуется Тамарка из соседнего класса. Я пошёл, посмотрел. Она действительно тарасила на меня свои цыганские глаза, но я остался верен своей Вале. Я даже написал Вале письмо в стихах, где изложил все события: и про болото, и про Ниночку, и всякие обещания свои тоже изложил. Я долго носил это письмо с собой, не решаясь отдать по назначению. А потом решил посоветоваться со старшим товарищем. Вовка Моисеев прочёл стихи и сказал: «Нормально. Давай передам». Но я передал стихи через Ниночку.

У моей симпатии стихи не вызвали никакого энтузиазма, а через несколько дней у нас во дворе начались танцы.

Кто-то из соседей выставил в окно радиолу, и старшие ребята стали «стилять» на маленьком пяточке перед окном. Мы, маленькие, танцевать не умели, поэтому просто стояли по кругу. А я глаз не сводил с Вали.

Потом меня позвали домой, и я вынужден был уйти. А на другой день моя соседка Марьяна сказала: «А твоя Валька вчера с Вовкой стилияла. Знаешь как он танцует, и Валька тоже, и вообще, она сказала про тебя пусть приносит подарки, может он мне потом машину купит».

Всё! Я был уязвлен в своих лучших чувствах. Она танцевала с Вовкой. Этого я перенести не мог. Обидно было ещё и оттого, что я сам рассказал Моисееву о своей влюблённости. Дурак дураком. В этот же день, когда я пришёл на завалинку, где мы обычно играли в расшибалку, Вовка под громкий хохот читал наизусть отрывки из моего стихотворного послания.

Я больше не дарил Вале подарков и даже не подходил к ней, а она и не обращала на меня никакого внимания. Но года два я не мог выбросить её из головы.

Мы стали старше, и мне уже нравились другие девочки, но всё равно у меня всегда был интерес к этой моей первой.

Потом, когда мне исполнилось 20 лет, мы уехали из Ростokino, но иногда до меня доходили слухи о Вале. Она вышла замуж, прожила со своим мужем несколько месяцев и

разошлась.

Потом я стал инженером, приехал в какое-то КБ в командировку и там встретил Валю. Она работала здесь конструктором. Передо мной стояла довольно бледная девушка невысокого роста. Черты лица были те же. Я смотрел и удивлялся, не мог понять, как она могла мне нравиться? То ли вкус у меня стал другим, то ли всё это я тогда себе придумал. Я потом много раз замечал такую метаморфозу. Наверное, эти женщины и не были никогда красивыми, но я этого не замечал.

Валя рассказала мне о себе. А я пошутил, что хочу жениться, но пока не знаю на ком.

Она совершенно серьёзно ответила: «Приезжай к нам в гости. У меня сестра настоящая красавица. Да ты её, наверное, помнишь. Ниночка». Она даже дала мне адрес. И я даже собирался поехать.

Майские жуки

Почему-то сейчас я совершенно не вижу майских жуков. А ведь они наверняка и сейчас летают в мае. Ах, как хорошо они летят! Медленно и тяжело. Низко летят, разворачиваясь у деревьев, обходят препятствия.

Мы в детстве ловили их на волейбольной площадке перед домом. Все ребята высыпали на площадку. Жуки эскадрильями перелетали через наш барак, спускались перед площадкой, чтобы потом снова подняться перед липовой аллеей. Мы стояли между домом и аллеей. Жуков было видно на фоне неба над домом. Мы ловили их кепками. Вдруг кто-то из нас срывался с места, увидев чёрную свинцовую точку.

Все стояли и смотрели, а один – бегал зигзагами. Со стороны это было смешно. Жука не видно, а человек почему-то бежит по какой-то странной траектории. Иногда бегали сразу несколько человек.

Пойманный жук приятно щекотал лапками потную ладонь. Жуков засовывали в спичечную коробку. Они там ворочались и скрипели лапками о стенки. А мы давали друг другу послушать, как они там ворочаются.

Говорили, что крылышки майских жуков принимают в аптеке. Мы мечтали наловить мешок жуков и сдать крылышки. Но никто, конечно, ничего не сдавал.

Мы с Вовкой Моисеевым сообразили, что лучше всего ло-

вить на крыше. Они там летают над самым гребнем. Сиди себе и помахивай кепкой. Все жуки твои. И вот мы с Вовкой осторожно поднимаемся на крышу. Сначала – по лестнице на чердак. Тихо идём не по шлаку, а по брёвнам, чтобы внизу, в квартирах не услышали. Выбираемся через слуховое окно на крышу. По чёрной смоле осторожно забираемся на гребень. Садимся, снимаем кепки и слышим крик снизу:

– А ну, слазь!

Это кричит дед Витальки Хохлова. Услышал всё-таки, как мы шли по чердаку. Дед – здоровенный, крепкий старик. Голос его ни с чьим не спутаешь. Он обычно выходил во двор и кричал: «Вяталька! Домой!»

Виталька, красивый парнишка с глазами-вишенками, всё тут же бросал и бежал к деду. Дед говорил: «Полкилы белого и полкилы чёрного», – трескал Витальку по голове, и тот бежал в хлебную палатку. Дед находился в постоянном поиске.

Когда трактор случайно задел забор нашего палисадника и снёс несколько досок, тут же появился дед Хохлов и стал собирать наши доски. Я кричал ему в окно, чтобы он их не трогал, но он не обращал на меня ни малейшего внимания. Он так увлёкся, что стал отдирать от забора и другие доски.

Я снова закричал в форточку. Выйти я боялся, потому что был дома один. Дед повернулся к окну и, уходя, сказал всего одно слово: «Убью!»

Перед окном Лукьяновых, живших в угловой комнате, была небольшая яма. Лукьяновы покидали туда весной кар-

тошки, и к осени там вырос большой картофельный куст. Дед Хохлов с дочерью днём, когда взрослые были на работе, пришли к этой яме и нагло стали выкапывать картошку. Выскочил из дома одноногий Юрка Лукьянов, стал кричать:

– Это наша картошка! Дед и дочка его Катя деловито копали.

– Тётя Катя, – сказал Юрка, – это же наша картошка!

Они не обращали на него внимания, продолжали собирать картошку. Юрка впрыгнул в яму, пытаясь помешать. Дед вытеснил его из ямы и продолжал своё чёрное дело.

Юрка заплакал. Дед взял ведро, и они молча ушли с ведром картошки.

Витальку мы звали «Полкилы». Виталька был забитым мальчиком, хотя был не меньше нас. Дома его часто били, и среди нас он старался не влезать в споры, если могло плохо обернуться. Зато если он чувствовал чью-то защиту, мог сделать что угодно и даже ударить из-за спины.

Он был ловкий, мог лучше всех залезть в чужой огород и нарвать там моркови или огурцов, двигался незаметно и бесшумно. Влезал в любую очередь и очень боялся деда.

Когда Виталька вырос, он стал мясником. Однажды он, возвращаясь с работы, подошёл ко мне и сказал:

– Хочешь, обыщи меня. – Я стал его обыскивать, но ничего не нашёл. Тогда он откуда-то из брюк вытащил банку консервов. – Понял? – сказал он. – «Приварок» всегда есть.

Тогда он ещё только учился на мясника. А уж когда стал

работать в мясном отделе, дела его вообще пошли на лад. Он был красивым парнем и женился на красивой девушке. Он воровал в этом мясном отделе всё, что только можно было украсть. В его комнате появились телевизор, холодильник, ковёр, после чего делать и желать ему стало нечего. Он стал пить и заработал язву. После очередной четвертинки он уснул и больше не проснулся. Никого дома не было, и некому было вызвать «Скорую помощь».

Но это всё будет потом, а сейчас мы сидели на крыше с Вовкой и понимали, что дело наше плохо. Дед стал взбираться по единственной лестнице, ведущей на чердак. Мы кинулись на чердак, но поняли, что деваться там некуда, вылезли снова на крышу и присели у второго слухового окна. Дед вылез из своего слухового на крышу, а мы юркнули на чердак. Дед тут же вернулся на чердак. Этот манёвр мы повторили ещё несколько раз. Но дед каждый раз перекрывал нам дорогу. В последний раз, когда дед по чердаку направился к нам, мы вылезли на крышу и побежали, но он успел вылезти и стал нас преследовать по крыше. Мы не успевали вдвоём спуститься в окно и вынуждены были отползать по гребню крыши в конец дома. Дед шёл на нас и радовался. Он понимал, что загнал нас. Спрыгнуть с крыши мы не смогли бы – довольно высоко. Единственное дерево неподалёку, черёмуха, было слишком ненадёжно. И вот мы уже на краю крыши, и дед идёт на нас. Остаётся несколько шагов до края. Тогда мы садимся на корточки и спускаемся по наклонной плос-

кости. Дед за нами на «пятой точке». Мы подползаем к самому краю крыши. Дальше передвигаться уже нельзя, можно свалиться. Дед тоже добирается до нас, но ногами вперёд, поэтому схватить нас не может. Руками он держится за крышу. Он тоже боится двигаться. Он тяжёлый и запросто может скатиться. И вот так мы сидим и смотрим друг на друга.

Он уже не улыбается, он понимает, что ему ещё надо будет лезть назад. Одно неверное движение, и он скатится вниз. Мы сидим так долго и смотрим друг на друга с ненавистью.

Потом слышны голоса наших матерей. Нас ищут. Мы с Вовкой берёмся за руки и прыгаем с крыши. Я вывихнул ногу, а Вовка стучается лицом об землю. У него коленки оказались выше плеч. Но мы счастливы. Дед остался на крыше и спрыгнуть, как мы, он не может. Но мы великодушны. Мы идём к Витальке, и через десять минут, при общем сборе всех жителей нашего дома, деда снимают с крыши. Он спускается по лестнице, говорит неизвестно кому – «Убью!» и, не объясняя никому, как он попал на крышу, по дороге трескает по голове Витальку.

В тот вечер мы не поймали ни одного жука.

Смерть Сталина

Это был самый несчастный день 1953 года. Школа была притихшая. Учителя ходили с красными, опухшими от слёз глазами. Все классы строем куда-то перемещались. И наш пятый класс шёл по коридору на цыпочках.

Все говорили шёпотом. В актовом зале на сцене стоял бюст Сталина, украшенный цветами. Сменялся почётный караул. Через некоторое время меня как отличника тоже поставили в почётный караул. Я стоял в красном галстуке и держал руку над головой, отдавая Сталину последний пионерский салют.

Перед сценой, прощаясь, проходили люди. А напротив меня внизу, под сценой, стоял Перфильев и строил мне рожи.

Я стоял в почётном карауле, а физиономия моя расплывалась в улыбке, и я никак не мог справиться с собой.

Потом начался урок, и Вера Антоновна назвала фамилии четверых ребят, которые должны были на следующей перемене снова стоять в карауле.

– Ага, – сказал Перфильев, – а Поляк там стоял и улыбался и ещё рожи корчил.

– Это подло, – сказала Вера Антоновна и прищурила один глаз. – Ты издевался над самым святым.

– Я не строил, – возразил я.

– Но ты улыбался в карауле, – перебила меня Вера Антоновна.

– Я не хотел, – я не мог сказать, что Перфильев строил мне рожи, тогда он бы побил меня, – я не хотел. – Я уже чуть не плакал.

– Это тебе так просто не сойдёт, – заключила Вера Антоновна.

На перемене я плакал у окна, ко мне подошла наш завуч и стала гладить меня по голове.

– Мужайся, Поляк, – говорила она, – мужайся, нам всем плохо, не плачь, лучше напиши заметку в стенгазету. Напиши о своём горе.

Тут я уже не выдержал и, всхлипывая, сказал:

– Не умею я писать заметки.

– Ну что ж, тогда поплачь, может, станет легче, – сказала завуч и отошла, прикладывая платок к глазам.

Приблизительно в то же время появилась статья о врачах-вредителях – Вовси, Виноградове и других.

У нас дома читали её вслух и готовились к самому худшему. Где-то в Леонове уже ограбили каких-то евреев.

В автобусе к моей маме пристал какой-то пьяный:

– Ну что, госпожа Вовси? Мама ответила:

– А что, господин Виноградов?

Потом в газетах стали появляться фельетоны про «абрамчиков». А «крокодильская» карикатура, где вредители изображены с огромными носами, до сих пор лежит у меня в пап-

ке.

На уроке географии, когда мы с моим соседом Борькой Фроликовым, как обычно, жевали хлеб с маслом, учительница вдруг подошла ко мне и ударила меня указкой по голове. Я вырвал указку у неё из рук и переломил её пополам.

Она поняла, что переборщила, и ни слова мне не сказала.

На следующий день, когда я поборол на перемене Свиридова, он сказал мне прямо в лицо «жидовская морда». Я треснул его по физиономии. Он побежал разыскивать каких-то ребят. На следующей перемене в класс заглянул здоровенный парень и сказал мне:

– Это ты, что ли, маленьких бьёшь?

Я понял, что сегодня мне будет плохо. Весь последний урок у меня от страха сосало под ложечкой. Когда я после уроков вышел из школы, меня уже ждали Свиридов и этот его великовозрастный друг и ещё пара ребят помельче.

– Ну что ж, покажи, на что ты способен, – сказал большой.

Я отдал Борьке портфель. Мы со Свиридовым встали в стойку. Сзади меня ударили портфелем, но я набросился на Свиридова. Свиридов медленно отступал. Я бил его боковыми, а перед самыми кустами даже ухитрился сделать ему подножку. Свиридов улетел в кусты.

Я ждал, когда он оттуда вылезет. В это время передо мной вырос большой и врезал мне так, что у меня всё поплыло перед глазами. Я перестал видеть этого типа, и несколько кругов остались вместо его лица. Потом круги уменьшились и

снова появилось его лицо.

Я дунул бежать.

Борька потом принёс мой портфель. Помочь он мне не мог. Этот тип побил бы и его.

Потом закончилась четверть, и Вера Антоновна сказала моей маме:

– Конечно, он отличник, но знаете, время сейчас такое, что мы грамоту ему выдавать не будем, осенью уж тогда... Вы уж извините, мне очень неудобно но...

До сих пор у меня лежат грамоты за все классы, кроме пятого.

Витька Политов

Мы жили в бараке, построенном для ИТР ещё до войны моим отцом. Но это был не обычный барак, в котором один коридор и в обе стороны комнаты, а барак состоял из маленького коридорчика поперёк двух квартир, каждая – по две комнаты. В каждой жило по семье. Витька Политов жил напротив нас. Отец его был моряк. Мы завидовали Витьке. Отец его, Степан, спокойно гнул руками железную трубу. Он был широкоплечим, красивым и ходил в тельняшке.

У Витьки были ещё две сестрёнки и младший брат. Когда родились сестрёнки-двойняшки, из деревни приехала бабка. Вместе с матерью их стало семь человек в такой же, как у нас, двенадцатиметровой комнате. Отец Витьки работал на другой стороне Яузы на Ферманской фабрике. Ферман – это до-революционный владелец камвольно-отделочной фабрики.

Однажды, проходя мимо фабрики, я видел, как Степан ворочал там во дворе огромные газовые баллоны.

Витька был самый старший из детей, и Степан очень надеялся на него.

Как говорил Витька, отец любит его и всегда из супа даёт ему самые лучшие куски мяса. Витька тоже любил своего отца и учил уроки как следует, чтобы оправдать надежды.

Тогда мы сдавали экзамены с 4-го класса.

Витька к экзаменам выучивал всё наизусть. Он шпарил

целыми страницами из учебника по ботанике, иногда даже не понимая, что он говорит. Порою от такой зубрёжки у него начинала болеть голова. Тогда он опускал голову под холодную воду и снова начинал зубрить.

Мы учились в параллельных классах. Я был отличником, а он еле-еле вытягивал на четвёрки. Каждый день мы вместе шли в школу, а потом вместе возвращались.

В школе мы виделись мало, зато после школы до ночи гоняли в футбол.

Мы играли по несколько часов подряд, пока уже не видно было мяча. В футболе я тоже был первым из маленьких. И дрались мы с ним редко, потому что было уже установлено, что я сильнее его.

Иногда мы встречались с бараковскими. Три барака стояли где-то в полукилometре от нас. Мы с ними состязались в футболе. Это были дни большого футбола. Сначала играли большие ребята, а потом мы – маленькие.

Мы, маленькие, всегда выигрывали у бараковских. С Витькой у нас всё было отрепетировано, все слажено. Мы оба хорошо мотались и играли в пас, поэтому нас всегда держали трое-четверо противников.

Иногда им надоедало наше мастерство, и они просто били нас по ногам. Витька был спокойнее и не обращал на удары внимания, а я тут же бросал мяч и начинал драться. Большие ребята нас разнимали.

Однажды бараковский парень Ермаков подставил мне

ножку. Я, встав с земли, развернулся и дал ему в глаз. Лет через десять я смотрел на этого Ермакова, огромного парня, и думал, как я мог его тогда ударить. Сейчас он уложил бы меня одним ударом наповал.

Я до сих пор не могу понять, как мы постольку играли в футбол. Иногда из дома раздавалось: «Лёня! Домой!» или «Витя! Домой!». Мы бежали домой, хватали по куску хлеба с сахаром и снова летели на футбол.

В одно лето Витька уехал в пионерский лагерь, а вернувшись из него, вдруг стал мотать меня как хотел.

Я ничего с ним поделывать не мог, он играл лучше. Он и вымахал за это лето, стал и выше меня, и здоровее. Упорство у него было великое. Он часами стоял перед забором и отработывал удар. Это была не ботаника, тут он всё понимал как следует.

Став взрослым, Витька играл за профессиональную футбольную команду. Но когда-то мы были на равных.

Однажды мы гоняли в футбол, а нам под ноги всё время лезла какая-то курица. Витька взял камень и швырнул в неё. Курица обиженно закудаhtала и похромала домой.

Вечером разразился скандал. Курица оказалась нашей соседки тети Маруси.

– Ты подбил курицу? – спросила она меня.

– Нет, – честно ответил я.

– Ты подбил, я знаю, Витька говорит, что ты. Позвали Витьку.

– Кто подбил курицу? – спросила тетя Маруся.

– Он, – сказал Витька.

– Как же так, – закричал я, – это же ты подбил!

– Нет, ты, – твердил Витька. Тетя Маруся тоже вступила в бой:

– Ты говорил, что терпеть не можешь моих кур? Я действительно так говорил, но только Витьке.

– Говорил, но курицу он подбил.

Тетя Маруся пошла ругаться с моей мамой. Вышел дядя Степан.

– Это же ты подбил! – выходя из себя, кричал я. – Дядя Степан, это он подбил, а говорит на меня.

– А ты говори на него, – сказал дядя Степан, – вот она ничего и не поймёт. Друг на друга валите, и будет порядочек.

Он, конечно, знал, кто подбил.

Так Витька начал хитрить. Стыканья у нас происходили очень часто.

Не помню уж почему, но подрались Витька с Борькой Фроликовым. Оба – мои друзья. Мы все вместе вышли из школы. Во главе шёл Кидямкин, главный наш хулиган, всегда ходивший с финкой. Он был за Фроликова, но в драку не вступал. То ли потому, что Витька боялся Кидямкина, то ли потому, что Борька действительно был сильнее, но Витька быстро получил своё и убежал домой. Мы попрощались с Кидямкиным и тоже направились с Борькой в сторону дома. Мы шли, мирно беседуя, и вдруг в низине у речки Тух-

лянки нам навстречу вышли Витька с Вовкой Моисеевым. Они вдвоём сразу стали избивать Борьку. Вовка Моисеев был старше нас, поэтому Борька даже не сопротивлялся, он только закрывал лицо руками. Как я ни заступался за Борьку, как ни пытался доказать Моисееву, что драка была честной, ничего не помогало.

Они вдвоём отметелили Борьку, и тот, плача, побежал к своим баракам. Мы сидели на завалинке. Витька с Моисеевым обсуждали драку. Откуда-то из-за угла появился Борька. Узнать его было трудно. Лицо распухло. Вместо глаз – одни щелочки.

За ним шёл его отец.

– Этот? – спросил он, показывая на Моисеева. Фроликов кивнул. Отец схватил Моисеева за шиворот. Теперь они вдвоём начали лупить Моисеева. Вовка все же вывернулся и убежал к брату.

На следующий день в низину под бугром пришли ребята Кидямкина. На бугре стояли наши ребята во главе с Моисеевым. Вначале кидались камнями, потом кидаться надоело. Кидямкин крикнул:

– Эй, ты, иди сюда!

Вовка был не трус, он пошёл.

Они с Кидямкиным встретились, о чём-то поговорили. Потом позвали Витьку Политова. Витька подошёл. Кидямкин треснул его по голове. И на этом дело закончилось. Все вместе мы пошли на Язузу кататься на плотах. Я тоже пошёл,

хотя плавать не умел.

Плот был квадратный с маленькой площадкой, выпиравшей из одной стороны квадрата. Я что-то не в меру развесялся, когда мы плыли к середине реки. Вместе со всеми кричал: «Переворачивай!» Но когда стали переворачивать плот, вспомнил, что не умею плавать. А плот уже переворачивался. Спасла меня площадочка. Я упал в воду, но держался за неё. А поскольку она была как раз посередине плота, то как ось осталась посередине. Плот перевернулся, но я сумел не хлебнуть воды. А тех, кто был сбоку, тех накрыло плотом, и они на некоторое время скрылись под водой. Но они умели плавать и выплыли, а я бы там и остался. Бог спас.

Но вернёмся к Политовым. Их, как я говорил, уже было семеро, и Степан просто выбивался из сил, чтобы прокормить эту большую семью. Он всё время пытался подработать. Как-то, я помню, он предложил моему отчиму несколько килограммов ртути, естественно, ворованной. Отчим отказался. Степан решил, что отчим просто не хочет иметь с ним дела хотя зачем бухгалтеру ртуть? Мы считались зажиточными, и Степан всё время хотел подружиться с моим отчимом, чтобы что-нибудь подзаработать. Он звал отчима пить пиво, но тот пива не пил, и Степан опять обижался. Мать мою Степан уважал, считал интеллигенцией.

Наконец он придумал как заработать. Он привёз из деревни быка. Бык несколько дней пасся у нас в низине. Потом пришли какие-то мужики и долго колуном убивали бы-

ка. Потом Степан с женой Полиной ездили на рынок и продавали говядину. Затем Степан завёл свинью. Они долго откармливали в сарае эту свинью, а потом снова пришли все те же мужики и мастерски зарезали свинью.

Двое держали её за ноги, а третий прирезал её одним ударом ножа.

Я сидел в комнате у Политовых и три часа ждал, вдыхая запахи пелёнок, когда сварится домашняя колбаса. Наконец она появилась, горячая, с чесноком, только что изготовленная. Ничего вкуснее в жизни не ел. Но мясо скоро кончилось, и надо было Степану снова что-то придумывать. И он придумал. Он стал каждую субботу и воскресенье куда-то пропадать. А через некоторое время к нам в комнату пришёл какой-то незнакомый человек. Он долго расспрашивал мою маму, куда ездит Степан, где он пропадает по выходным, и не замечала ли она чего-то подозрительного.

Мама ничего не говорила, хотя, конечно, знала, что каждую субботу Степан ездит в свою деревню, набрав туда продуктов. Там он всё это продавал, а на вырученные деньги кормил свою многочисленную семью.

Через несколько дней, уже ночью, к нам постучался сам Степан:

– Полина, пройди к нам, пожалуйста, с обыском пришли, очень прошу, будь понятой. Знаю, никому не расскажешь.

Ему было стыдно за этот обыск.

Я зашёл к ним уже тогда, когда обыск закончился. На полу

валялись телогрейки, бельё, наволочки. Степан сидел в углу, опустив голову на руки. Сестрички не плакали. Они ползали по этому имуществу и смеялись. Оказалось, что кто-то из их знакомых или родственников что-то где-то украл, и у Политовых искали чужие вещи, но ничего не нашли.

А вскоре всё разрешилось само собой. В очередную субботу мы услышали из коридора крик Полины, жены Степана.

– Убили! – кричала она. – Убили!

Все соседи выскочили в коридор. Полина колотила руками по стене и по-деревенски выла. Старуха-бабка показала телеграмму. Степан ездил в деревню на поезде. Остановки там не было, но поезд замедлял неподалёку от деревни ход, и Степан на ходу спрыгивал с площадки. На этот раз прыжок оказался неудачным. Степана не убило, ему отрезало поездом обе руки.

Через месяц появился он сам. Ещё месяц назад гнувший руками трубы, он сразу стал маленьким и потемневшим.

С этого несчастья у него началась новая жизнь. Он ходил по каким-то собесам, райсоветам и прочим организациям. Через полгода они переехали из нашего барака в новую двухкомнатную квартиру. Ещё через год получили трёхкомнатную. Он даже устроился на работу и руководил каким-то цехом. Когда мне было 22 года и я уже учился в МАИ, я встретился случайно с Витькой Политовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.